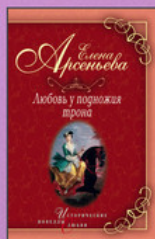

Елена Арсеньева

Геркулес и Кантариды (императрица Екатерина Великая...

*Часть сборника
Любовь у подножия трона
(сборник)*

Елена Арсеньева
Геркулес и Кантарида
(императрица Екатерина
Великая – Александр Ланской)
Серия «Любовь у подножия трона»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161508
Любовь у подножия трона: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04439-6

Аннотация

«Сырым октябрьским вечером 1784 года по дороге из Петергофа в столицу мчался экипаж. Это была простая карета шестерней, без сопровождения охраны, и редкие путники или проезжие, которые оказались в ту пору на дороге (осенняя погода стояла такая, в какую, по пословице, добрый хозяин собаку из дому не выгонит!), не обращали никакого внимания на заляпанные грязью дверцы без гербов...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Елена Арсеньева

Геркулес и кантариды

Сырым октябрьским вечером 1784 года по дороге из Петергофа в столицу мчался экипаж. Это была простая карета шестерней, без сопровождения охраны, и редкие путники или проезжие, которые оказались в ту пору на дороге (осенняя погода стояла такая, в какую, по пословице, добрый хозяин собаку из дому не выгонит!), не обращали никакого внимания на заляпанные грязью дверцы без гербов.

Карета ворвалась в Петербург и подкатила к Зимнему дворцу уже поздним вечером. Не было ни огонька в окнах, тьма царила вокруг. Лакей, иссеченный непогодой, соскочил с козел, на которых всю дорогу трясся рядом с кучером, и, сгорбившись, вприскокку понесся к будке караульного. Ему пришлось довольно долго стучать, чтобы разбудить часового. Последовали короткие переговоры, более напоминающие перебранку, и лакей уныло, то и дело оступаясь в холодные лужи, вернулся к карете. Робко стукнул в дверцу.

— Ну что? — слышался раздраженный женский голос, и в окне кареты отдернулась кожаная завеса. — Чего тьма такая? Неужто спят все?

— Беда, Анна Степановна, душенька, — обескураженно проговорил лакей. — Дворец-то заперт наглухо! Там и нет никого. Нас никто не ждал!

– И что, нам даже ворота не откроют? – сердито спросила Анна Степановна.

– А проку-то, душенька-графиня? – плачущим голосом воззвал лакей. – Ворота откроют, а двери-то заперты! Неужто окна бить станем?

– М-да... – протянула «душенька-графиня». – Окна бить не хотелось бы...

Она отвернулась, и из глубины кареты послышался невнятный разговор. Похоже было, что Анна Степановна с кем-то совещается. Наконец она снова приникла в окошку:

– Давайте поворачивать в Эрмитаж¹. Глядишь, там приют найдем.

Лакей кивнул и побежал к передку кареты, приговаривая:

– В Эрмитаж, слышь ты! Гони в Эрмитаж!

– Чего тут гнать-то? – огрызнулся смертельно уставший кучер, с усилием поворачивая такую же замученную упряжку. – Рядышком все!

Скоро шестерка, вяло потрусив по набережной, подвезла карету к Эрмитажу, однако и в окнах этого дворца царила полная тьма, и вокруг точно так же веяло безлюдьем, как и от Зимнего.

– Мать честная! – сердито сказала Анна Степановна. – Ну как есть податься некуда! Это что ж на свете белом делается, а?

---

¹ В последней трети XVIII в. на Дворцовой набережной к востоку от Зимнего дворца был возведен корпус, названный «Эрмитажем». Предназначался для уединенного отдыха и для размещения коллекции картин, приобретенных Екатериной II.

– Свет давно уже не белый, а черный, душа моя, – послышался рядом с ней негромкий голос. – Черным-черно кругом, хоть глаза выколи!

Анна Степановна жалостливо вздохнула, потому что прекрасно понимала: ее спутница ведет речь отнюдь не о случившейся октябрьской ночи.

– Что ж делать будем, а? – спросила она, как бы ни к кому не обращаясь. – Где голову приклоним? Неужели обратно в Царское двинемся?

– Думать нечего! – выкрикнул кучер, который от нелепости сего предположения даже позабыл о необходимой почтительности. – Лошади вот-вот падут! И сюда-то еле доплелись, а уж снова такой же конец отмотать – и думать нечего!

– Что ж, в карете спать станем? – плаксиво спросила Анна Степановна. – А? Что скажешь, матушка?

– Пусть эти двое взломают дверь, – приказала ее спутница. – Вот и вся недолга. Найдут какую-нибудь боковую – и взломают. Тогда войдем в Эрмитаж и там заночуем.

– Ай, матушка, а кто ж нам прислуживать станет? – возопила Анна Степановна.

– Не велика барыня, сама себя обслужишь, – последовал ответ. – И довольно, не пищи. И без тебя тошно.

Голос ее задрожал, и Анна Степановна немедленно перестала причитать. Выйдя из кареты, она передала приказание своей спутницы лакею и кучеру. Они оба то ли устали уже смертельно, то ли понимали, что женщина, оставшаяся

в карете, дошла до предела терпения, но спорить не стали, а покорно отправились ломать боковую дверь. Против ожидания, это удалось сделать довольно скоро: что лакей, что кучер были мужиками ражими, и усталость оказалась нипочем. Не прошло и нескольких мгновений, как двери в темное нутро Эрмитажа отворились.

Женщины вошли. Лакей, держа в руках две плошки, взятые из кареты, семенил впереди, и пламя почти догоревших свечей бросало страшные изломанные тени по стенам. Графине Анне Степановне очень хотелось начать взвизгивать и бояться, однако было не до того: спутница, которую она вела под руку, уже едва шла и с каждым шагом качалась, что былина на ветру. Наконец-то добрались до какой-то комнаты, где по стенам стояло два дивана.

– Довольно, – неживым голосом проговорила женщина. Она отстранилась от Анны Степановны, добрела до дивана и повалилась на него. Посидела мгновение, потом легла, подложив руку под щеку и свернувшись клубком.

– Матушка, ты б хоть разделась... – начала было графиня Анна Степановна, однако тут же и осеклась: до нее донеслось тяжелое дыхание ее спутницы, с каждым вздохом становившееся все ровнее.

– Уснула? – с надеждой выдохнул лакей, вытягивая шею и пытаясь что-то различить в темноте.

– Вроде бы, – прошептала Анна Степановна. – Ну, иди с Богом, Захар Константинович. Одну свечку оставь пока. В

соседней комнате ляжешь, у дверей.

– Как скажете, душенька-сударыня, – покорно кивнул камердинер Захар Константинович, отчаянно зевая. – Вот только помогу там с лошадьми – и тотчас явлюсь.

Он вышел за дверь, поставив плошку со свечой прямо на пол.

Графиня Анна Степановна тяжело опустилась на свободный диванчик, который испуганно закричал под ее немалой фигурой, и принялась стаскивать тяжелые от грязи – выгваздалась, пока шли по садовой дорожке к сломанной двери, – башмаки. Пошевелила усталыми ногами, приготовилась было лечь, но тут же вспомнила, что подруга ее уснула, не разувшись.

С усилием поднялась, сделала несколько шагов, поджимая пальцы на ледяном полу. Откинула полу подбитого мехом плаща, которым с головой накрылась спящая, но только взялась за каблучок коротенького сапожка, как спутница ее вдруг пробормотала:

– Сашенька, свет мой... Солнышко... Ну вот и вернулся, а сказывали про тебя страсти всякие! Ну, иди ко мне, радость моя ненаглядная!

Она тихо, нежно засмеялась, а потом дыхание ее стало легким и ровным, словно у влюбленной женщины, которая уснула в объятиях своего возлюбленного.

Анна Степановна выпустила из рук каблучок и осторожно отошла от спящей.

Тихо-тихо, чтобы ни одна пружинка не скрипнула, опустилась на свой диван. Прилегла, вслушиваясь в тишину. Сердце у нее колотилось как сумасшедшее.

Свеча вдруг затрещала, готовая погаснуть.

– Сашенька, не уходи!.. – послышался испуганный стон.

Графиня пальцами схватила фитиль и загасила свечу, не обращая внимания на ожог. Снова легла, и скоро ее локоть, подложенный под щеку, стал мокрым.

Она плакала – тихонько, украдкой, не всхлипывая. Да что всхлипывать – она и дышать не станет, только чтобы не разбудить свою несчастную подругу, несколько дней назад похоронившую юношу, которого она любила, быть может, больше всех своих многочисленных возлюбленных.

«Господи! Пусть она проспит подольше! – мысленно взмолилась графиня Анна Протасова. – Пусть хоть во сне снова с ним встретится!»

Этого юношу звали Александр Ланской, а женщина, которая теперь могла встретиться с ним только во сне, была императрица Екатерина Алексеевна.

* * *

– Ну, друг мой, это несправедливо! – сказала однажды, смеясь, Екатерина графу Александру Сергеевичу Строганову. – Вы, мужчины, чуть состареетесь, всю начинаете приударять за молоденькими красотками. Причем приманивае-

те их мощной да камнями. А мы, женщины, разве хуже? Неужто думаете, что нас, когда мы в возраст входим, перестает молодая красота привлекать? Да ведь мы тоже живые! Отчего ж нам нельзя молодых красавцев любить – пусть и приманивая их не токмо ложем, но и всем, во что горазды по мере своего состояния и положения?!

Этот разговор Екатерины с ее старинным приятелем происходил не просто так – не по отвлеченному поводу. Она тогда сгорала от страсти по двадцатидвухлетнему красавцу по имени Александр Ланской, и ей чудилось, что такой невероятной любви в ее жизни никогда не было.

Ну что ж, в этом и заключалось ее счастье и горе, что она всегда любила словно впервые. Однако Александр Ланской был истинно достоин такой любви.

Удивительно – всегда считается, что сильная женщина может вполне обойтись без мужчины. Ну, в крайнем случае станет иметь его только для постели. Для здоровья! Трудно представить себе более сильную женщину, чем Екатерина. Однако она не могла обойтись без мужчины не только в постели и не только для здоровья. Ей нужно было иметь мужчину в сердце своем – для нежности! И ей было наплевать на то, что окружающие считают ее фаворитов просто развратными мальчишками, которые ставят своей целью не любовь, а обогащение за счет страстей немолодой одинокой женщины.

Что и говорить, путь к ее персоне был тернист. Конечно,

порою нечаянная удача перепадала, как в распространенном историческом анекдоте, какому-нибудь часовому, который приступал к делу рядовым, а потом, после торопливых и бесстыдных ласк императрицы, уходил капралом. Но, как правило, дело обстояло иначе. Далеко не так просто!

Светлейший князь Григорий Потемкин уже через два года общения с этой незаурядной женщиной и незаурядной любовницей понял, что может быть ей только другом, советчиком и помощником во всех ее великих начинаниях. Если останется любовником, то скоро умрет. Для того чтобы быть той, кем она была – Великой Екатериной, – императрица нуждалась не только в умных мыслях, но и в постоянной подпитке нежностью, пылкостью, страстью: она должна была постоянно ощущать себя любимой и желанной. Чтобы быть великой женщиной, она должна была всегда оставаться именно *женщиной*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.